

С. В. Антонова

Гражданское общество в России:
вчера и сегодня
(Подход к теме)

Электронный ресурс

URL: http://www.civisbook.ru/files/File/Antonova_gr_ob.pdf

Перепечатка с сайта центра «Стратегия»
<http://strategy-spb.ru>

С. В. Антонова

Гражданское общество в России: вчера и сегодня (Подход к теме)

История становления гражданского общества в России тема непростая. Многие исследователи до сих пор отказываются считать складывающееся в этой стране общество подлинно гражданским. Вызвано это, по их мнению, тем, что обстоятельства, в условиях которых проходил процесс становления, не позволили этой структуре приобрести все характерные для нее качества (аналогичные гражданским обществам западных стран).

Эти исследователи исходят из того, что гражданским можно считать только такое общество, где широко развиты экономические, культурные, правовые и политические отношения между его членами [5]. Соответственно, оно должно состоять из таких элементов, как персонифицированное отношение к собственности, развитая система пересекающих друг — друга «горизонтальных связей гражданской активности» в лице общественных организаций (без участия государства), различных форм муниципального самоуправления и услуг [8]. А также необходим социальный договор, как основа стабильной жизни общества, широкая система независимых средств массовой информации. В культурном отношении важно наличие развитой системы частной жизни, которая неприкосновенна для любых внешних структур, а также разветвленная система права. А основные принципами функционирования гражданского общества должны быть индивидуализм, конкуренция и сотрудничество всех его участников.

Такое общество, как социально организованная структура, возникшая за пределами политики, охватывает и политическую сферу, так как создает «малую» политику и экономику страны.

Однако считается, что оно не зависимо от государства, и, тем не менее, активно с ним сотрудничает на почве построения развитых правовых отношений. Делается это для того, чтобы обезопасить личность от злоупотреблений властными полномочиями государства, а так же действий противоправных структур. Это цивилизующий процесс, в рамках которого происходит развитие гражданского общества, и смягчается конфликтность политических и экономических взаимодействий между его членами [6].

В этом отношении гражданское общество предъявляет власти некоторые требования, которые заключаются в следующем: 1. Она должна быть легитимной, т.е. пользоваться доверием граждан; 2. Демократической во всех своих формах; 3. И власть должна быть эффективной, т.е. выполнять возложенные на нее функции по защите благосостояния подданных, обеспечению их внешней и внутренней безопасности.

В свою очередь, гражданское общество призвано выполнять другие функции, которые жизненно важны для стабильного развития государства. Например, функцию социализации своих граждан в рамках культуры данного сообщества, гражданского правопорядка, коммуникативную, функцию солидарности относительно основных, жизненных ценностей, создания «нормы коллективного взаимодействия» граждан, регенерирующую, функцию жизнеобеспечения и социальной защиты на низшем уровне, и многие другие. Но самая важная из них — формирование гражданского самосознания, которое заключается в развитии представления индивида об обществе и его социальном идеале. В этом отношении гражданское общество является социальной структурой незавершенного (открытого изменениям), исторического, и национально — регионального характера [2].

Российское гражданское общество, действительно, в полной мере всеми этими чертами пока не обладает. Оно представляет собой, скорее, пример запоздалого развития. Произошло это потому, что историческая традиция России несколько другая, чем у стран Запада.

Все благосостояние европейских стран представляет собой историю развития общин работающих собственников. Частная собственность была и предпосылкой труда, и условием физического и социального

существования самого человека. Она обеспечивала владельца доходом и общественным положением. К факту обладания ею прилагалась система соответствующих прав и обязанностей. И именно собственность, чаще всего, определяла гражданскую позицию своего владельца.

Государство на нее редко претендовало, — только на часть добытого трудом продукта. Соответственно, для властей свобода такого производителя была экономической категорией. На нее не покушались во времена процветания, ее расширяли при финансовых затруднениях. Так бюргеры постепенно выкупили у сеньоров полное самоуправление городов, где в последствии были заложены основы гражданского правового общества.

Таким образом, свобода индивида — собственника является стержнем западноевропейского сознания. Как же тогда совместить свободу разных людей? По формальному признаку, то есть по закону. Тогда эта свобода становится формально — юридической категорией. Возникает убеждение, что закон должен управлять отношениями между людьми, обладающими совокупностью неотчуждаемых прав. Законы эти фиксируются в соответствующих документах, и власть уже не имеет права их не соблюдать. В противном случае, она считается деспотичной, не соответствующей своим задачам — оберегать собственника и его имущество — и с ней можно бороться любыми методами.

В России же ситуация складывалась совершенно иным образом. Там в силу неограниченности географического пространства и природных ресурсов, долгое время не возникала необходимость оседлого развития, поселений. Само перемещение по географическому пространству давало достаточное пропитание для выживания людей и животных, и удовлетворяло примитивные потребности, а также физически «разводило» различные кочующие группы. Соответственно института собственности, как такового, существовать не могло, как не могло существовать принципов традиционности и преемственности, столь характерных для западной культуры. И производство на этом евразийском пространстве оказывалось без стимулов развития.

Казалось бы, многовековые междоусобия, способствовавшие гибели Киевской Руси, могли бы привести к становлению оседлого производящего общества. Но этого не произошло по нескольким причинам. Потому что опустошительные набеги войск, воюющих друг с другом князей, были спорадическими, глубина нападений значительной, что мешало сполна пользоваться плодами победы. А также потому, что

территория набегов не была географически изолированной, так, как это было с западноевропейским междоусобием, а потому в ней было не возможно возникновение длительного пата между противоборствующими сторонами. Общество постоянно находилось в состоянии войны.

А дальше была Орда, которой противостоять могло только централизованное государство. Начало его становления означало, что на землю, ее население, хозяйственные инфраструктуры накладывался двойной гнет: с одной стороны внешнее притеснение, взявшее со страны плату людьми и материальными ценностями, тормозя ее естественное развитие. С другой – сформировавшийся изнутри ответ на эту угрозу, который обходился стране едва ли не дороже.

С самого начала государство, ссылаясь на необходимость национального выживания, стремилось сосредоточить в своих руках все формы насилия и само право на него: армию, и государственные сборы, контроль над населением, включая правящую элиту. Получалось так, что великий князь, принимая от хана ярлык на правление, становился в известном смысле завоевателем собственных подданных. А русский народ – народом, покоренным властью! Отсюда и отношения, которые в ходе истории будут складываться в этой своеобразной оппозиции: государство смотрит на свой народ, как на военный трофей, а народ на государство, как на нечто инородное и враждебное, но необходимо данное извне.

Такое двойное иго осуществлялось в течение активной жизни восьми поколений- 240 лет! И если для первых поколений оно означало борьбу за выживание, представлялось необходимым и очевидным, то для последующих, результаты такой концентрации власти были с детства уже привычным, и нормальным укладом жизни. «Русское государство, чтобы освободиться от татар, закрепостило собственный народ».- Такой взгляд на этот этап российской истории предлагает А.Безансон в книге «Советское настоящее и русское прошлое» [1]. И там же: «Когда князь обратился к национальным целям, Россия все же не стала королевством. Подданные привлекались царем к трудам на благо государства, а не на общее благо, и не было никакого согласия между первым и вторым».

Так ко времени падения Золотой Орды, централизованное государство закрепилось в жизни народа, за счет эксплуатации его интересов и ресурсов, а с поражением противника, стало направлять свои силы и высвободившиеся возможности на укрепление собственных позиций. К чему побуждал прошлый, весьма болезненный опыт.

Способом такого укрепления новое государство видело создание основы «цивилизации перераспределения»- общества, в котором основным типом существования стало бы доминирование изъятия в различных его формах в пользу этого государства. Это тотальное перераспределение создало экономику особого типа – дефицита, которая сначала вообще отрицала развитие производящего начала и производителя, как такового. Заключалась она в притеснении всяческой активности, ограниченности материальных благ в условиях низкой производительности труда, возможности извлекать сверхприбыли из дефицитов, и формировании на базе изложенного выше четкой структуры феодального разделения общества [9]. И даже позже когда, в ходе истории, российское государство было поставлено перед фактом необходимости развития производства, первые крупные предприятия были созданы исходя из государственных интересов, и для того, чтобы предоставить власти средства проводить великодержавную политику при ограниченных возможностях слаборазвитой страны. А не потому, что появление этих предприятий было вызвано логикой развития экономики, или для того, чтобы удовлетворить растущие потребности общества [7].

Такова была позиция министра С.Ю.Витте, писавшего: «Россия- это империя. Чтобы поддержать ее, государство должно держать в руках и другие стороны жизни нации». Отсюда, все предпринимаемые государством меры, могли лишь ухудшать положение общества и отталкивали от такой власти общественное мнение, которому оставалось лишь упрекать правительство то в жесткости методов, то в минимальности их результатов.

И все это в целом было формой закрепощения, которая выражалась в закреплении за государством и его интересами центрального места в обществе, через структуру власти, и господствующие формы общественного сознания, «правильность» которых контролировалась органами репрессивного аппарата государства.

Когда царя Ивана III спрашивали о положении его подданных, он отвечал: «Все холопы». И эта формула долгое время являлась общепринятой и основной в отношениях, складывавшихся между властью и обществом.

Однако государственный интерес при Петре потребовал, когда Россия оказалась в таких исторических условиях, что встал вопрос: европеизируется она или погибнет, некоторого перераспределения полномочий от государства в пользу общества. И чтобы качественно

выполнять свои новые функции, оно стало нуждаться в образовании европейского образца, что предполагало не только получение технических знаний, но и некоторое приобщение к мировоззрениям либерального типа.

Но эта передача некоторых прав и полномочий, прежде осуществлявшихся государем, предполагала, что каждый отдельный человек способен осуществлять их по отношению к себе в первую очередь. Для России после стольких лет государственного «вытаптывания общества» и гражданского бесправия это оказалось проблемой, возмущавшей Петра: «Нет людей!». Обществу не хватало той пружины, которая позволила бы ему действовать самостоятельно. А ситуация была вполне закономерной, замечает А.Безансон, так как: «Создавать университеты, принимать принципы европейского государственного права в духе модернизации страны означало помещать свободные клетки в еще далеко не свободное социальное тело» [1].

Однако недостаток внутреннего побуждения к активной деятельности у народа царь-реформатор заменил, традиционно, принуждением. Замечательный наш историк В.О.Ключевский охарактеризовал эту ситуацию так: «Реформа Петра была борьбой деспотизма с народом, с его инертностью. Он хотел, чтобы раб, оставаясь рабом, действовал сознательно и свободно» [7].

Власть не могла, воспитав для службы себе, элиту общества в европейском духе, сохранить прежние представления о ней. Дворянство стало ожидать нечто большего, чем верную службу на Честь и Верность царю. А после «Жалованной грамоты» Екатерины II, такая служба и вовсе перестала быть долгом дворянина. Началось время поисков смысла жизни и своего места в ней. Тогда активизируется культурная жизнь, особенно околотитературная, которая в России всегда носила философско-идеологический характер, на ее основе появляются первые общественные организации, кружки. Раз в три года созываются, для обсуждения экономических вопросов управления поместьями, дворянские собрания на губернском уровне. Постепенно формируется сфера публичности, прототипы тех социальных институтов, которые могли бы противостоять официальной власти – светские салоны. Однако широкой секуляризации авторитета абсолютизма не происходило, так как в обществе еще не было свободного хождения информации. Ту роль, что на Западе играла актуальная журналистика, в России принимали на себя полиция и цензура. Таким образом, либерализм идей и российская

реальность заложили в отношениях между государством и обществом потенциальную возможность кризиса отношений. И он разразился в декабре 1825 года.

После этого государство пыталось сформировать новое «служилое сословие», без привязанностей, без традиций, а главное — без собственного лица — чиновничество. Создавались соответствующие организации образования, которые разрушали сословные рамки, применяли ко всем единую воспитательную систему, приучающую к жесткой дисциплине — гимназии. Образование велось, опять-таки, по программам западного образца, но в русском духе: «Православие, самодержавие, народность».

А. Безансон в этом отношении отмечает: «Позиция же правительства была противоречивой. На практике оно продолжает линию Просветителей и силится административными методами подтолкнуть Россию к современной европейской цивилизации. И вместе с тем оно самовластно внедряет идеологию, полностью противоречащую его реальной деятельности» [1]. Таким образом, по мнению этого историка и политолога, государство само воспитало того «нового человека», который на личном уровне противостоял всем его преобразованиям: « Новый человек был поставлен перед необходимостью убить своего учителя, наметившего программу преобразования России и воспитавшего его с этой целью» [1].

А разночинная молодежь тем временем искала свою форму солидарности, в пику официальной, и создавала сопротивляющуюся субкультуру. Так в гимназиях и реальных училищах скапливалась будущая интеллигенция. Она отделилась от более лояльного к власти вольнодумного дворянства, из которого частично вышла, и на примере которого училась. Со временем стала самостоятельным социальным классом.

Однако реальной возможности повлиять на политику государства и у этого класса не было, так что оставалась теоретическая деятельность, которая в дальнейшем привела к возникновению двух теоретических лагерей: славянофилов и западников. Идеологические прения, проходившие между ними, кончились тем, что Герцен пришел к отождествлению Запада с либерализмом, а будущее французского социализма связал с Россией и ее крестьянской общиной [10]. «Так возникла основа русской версии европейского социализма, народничество».- Заключает А. Безансон [1].

А дальше было поражение в Крыму, и смерть Николая 1, впервые после сражения под Нарвой, поставившие вопрос о правильности государственного пути развития. Власть задумалась: может, стоит подключить к управлению государством общественность? Но как, в каких пределах?

В 1864 году выходит манифест о земствах, по которому на уездном и губернском уровнях вводились некоторые элементы самоуправления по хозяйственным вопросам, вопросам образования и здравоохранения. Однако полномочия этих общественных объединений были малы, и существенно влиять на развитие событий в стране они не могли. Освобожденное же от крепости крестьянство не способно было в полной мере пользоваться своей свободой, так как попало под кабалу костной общины. К тому же оно было горько разочаровано условиями освобождения.

Неустойчивость общественного равновесия стала заметной во время голода 1891 года. Решение по выходу из ситуации было традиционно русским — продолжать двигаться в том же направлении экстенсивного развития экономики, увеличивая принуждение общества. И самую тяжелую цену индустриализации платило крестьянство.

«Но в 1905 году государству пришлось выдержать не только мужицкий натиск. Не менее устрашающим был и натиск интеллигенции».- Констатирует А. Безансон [1]. Она хотела избавиться от остаточных элементов крепостничества, смягчить цензуру, ввести в систему российского правосудия те принципы, что уже давно практиковались во всем цивилизованном мире, добиться создания представительного законотворческого органа власти, в работе которого могла бы участвовать — Думы.

А государство, несмотря на все предпринятые полицейские меры, слабело. Веками, не допуская самый образованный слой своего общества к принятию важных политических решений, оно обрекло его на безответственность, а себя на обскурантизм. И когда все же были сделаны конституционные послабления, и общественное мнение было более — мнение освобождено для всех способов своего выражения, произошли события, известные как революция 1917 года. Ситуация, казалось бы, характерная, ведь еще Алексис де Токвиль заметил, что для самодержавия самым опасным моментом является тот, когда режим пытается реформироваться. Так все меры, предпринимаемые властью по снижению напряжения в общественных отношениях, вызывают

противоположную реакцию, так как сталкиваются две системы: система ожиданий, и возможностей их осуществить, которые всегда не совпадают.

К тому времени феномен народничества уже создал новый тип людей, которые достигли полной политизации своей жизни и были способны преодолеть запреты традиционной морали во имя революции. На его основе появились политические партии, которые Ф. Безансон считает единственным, значительным вкладом России в политическое формирование современной Европы. Теоретический каркас народничества тоже изменился. Его идеологи открыли для себя совмещенную критику либерализма и капитализма в изложении К. Маркса.

Именно эту идеологическую смесь впитывал широкий слой «полуинтеллекции» из переполненных университетов провинциальных городов. А с 1907 года введенное обязательное начальное образование, представило деревне ее образ, нарисованный студентами бунтующих университетов, будоража тем самым устои и крестьянского общества, и пролетарского, состоявшего из бывших крестьян. На эту взрывную силу и рассчитывали социалисты – революционеры, отказываясь дожидаться буржуазной революции и дальнейшего эволюционного развития общества. А война 1914 года подготовила подходящую ситуацию для восстания.

Власть нового порядка имела одно достоинство, как пишет А. Безансон, – «она сумела приберечь место встречи народа с интеллигенцией» [1]. Этим местом был большой концентрационный лагерь. Однако была ли эта власть подлинно новой? Географическое и демографическое пространства остались теми же. Таким образом, теория была вынужденно переосмыслена, согласно законам неизменного. А общество, которое не могло выполнить желаемого большевиками, оказалось поглощенным государством, в уплату за неспособность реализации утопии. И партия расположилась в стране, как когда-то описывал А.И.Герцен «петербургское государство»: будто армия в оккупированной стране [10]. Но теперь основными орудиями власти были не только традиционные меры принуждения, а так же идеология.

По сути, государство заменило собой гражданское общество, как коллектив людей, связанных организованными отношениями и взаимными услугами. Традиционные связи между людьми рухнули, возникновение новых, неформальных, было затруднено, если они не были частью государственного проекта построения социализма.

Произошла потеря черт общественности, то, что Адам Михник называл «... деструкцией общества или, иначе, превращение народа в население» [3].

Обратный путь этого процесса, что в пост перестроечный период пытаются проделать «общественные защитники нашего времени», заключается, соответственно, в ресоциализации индивида, то есть в одновременном возрождении его автономности и восстановлении солидарности с другими индивидами. Однако это движение предполагает, что индивид уже «готов» к общественной жизни, признает единую систему идей и законности, что и другие, согласен жить и работать в этом обществе. Изначально для этого в социуме должна существовать та подлинная общность, которая и могла бы быть необходимым источником всех общественных ценностей и гражданского общества, как такового. Иначе, его концепция остается всего лишь привнесенной новой идеологической теорией [4].

В России подобной общности нет и в ближайшее время, скорее всего, не появится, потому что слишком велика, хотя бы, социальная дифференциация экономического характера, которая не позволяет всем гражданам в полной мере пользоваться своими демократическими правами. И слишком мал «средний класс» — костяк стабильности любого общества. Все это ведет к перекосам в политике, и, как следствию, росту хаотических протестных настроений, способных снести любую систему даже демократического характера.

Ситуация осложняется тем, что исторически у россиян не были сформированы «контрольные механизмы», позволяющие личности эмансипироваться в естественной социальной среде. Для европейца этими механизмами были отношение к собственности, экономический расчет, обязанность трудиться, и обезличивание общественных взаимодействий, а средой — стихийно развивающиеся рыночные отношения. Россияне же могут этому противопоставить лишь дух коллективизма, теорию о труде, как религиозном подвиге, и генетическую память о ведущей роли в их жизни государства с его волюнтаристской экономикой перераспределения.

Остается надеяться, что со временем все же появятся необходимые предпосылки возникновения подлинного гражданского общества России на четкой экономической базе. Соответствующие демократические институты, которые на данный момент существуют больше как идеологические концепты, заработают соответственно своим функциям,

превращая политическое действие в технологию решения социальных проблем, и власть – в доверенных чиновников от общества. Государство перестанет (по старой памяти) пытаться играть роль общественного ментора. А российское общество научится жить самостоятельно, перестав полностью возлагать ответственность за свое благополучие на новую социальную политику власти.

Литература

1. А. Безансон «Советское настоящее и русское прошлое». Сборник статей. Москва. Изд. «МИК». 1998г. [с. 49, 34,16,46,59]
2. К. С. Гаджиев «Политическая наука». Москва. Изд. «Международные отношения». 1995 г
3. С. Град «Протолиберализм: автономия личности и гражданское общество. Гражданское общество и моральная общность граждан». <http://www.glasnet.ru/~expert/text/o26.htm> [с.2]
4. А. И. Демидов, А.А. Федосеев «Основы политологии». Москва. Изд. «Высшая школа». 1995г.
5. Политология. Энциклопедический словарь. Москва. Изд. «Publishers». 1993г.
6. Краткий энциклопедический словарь «Политология». Москва. 1997г.
7. В. О. Ключевский «Русская история». Полный курс лекций в трех книгах. Москва. Изд. «Мысль». 1993г. [с.83]
8. М. Фоули, Б. Эдвардс «Парадокс гражданского общества». «Русский журнал». 25.12.1997г. [http:// www. Russ.ru/journal/predely/97-11-25/fouli.htm](http://www.Russ.ru/journal/predely/97-11-25/fouli.htm) [с. 4-5]
9. «Россия и будущее европейское устройство». Под редакцией Н.А. Косолапова. Москва. Изд. «Наука». 1995г.
10. А. И. Герцен «Былое и думы». Москва. Изд. «Худ. Литература» 1967г.